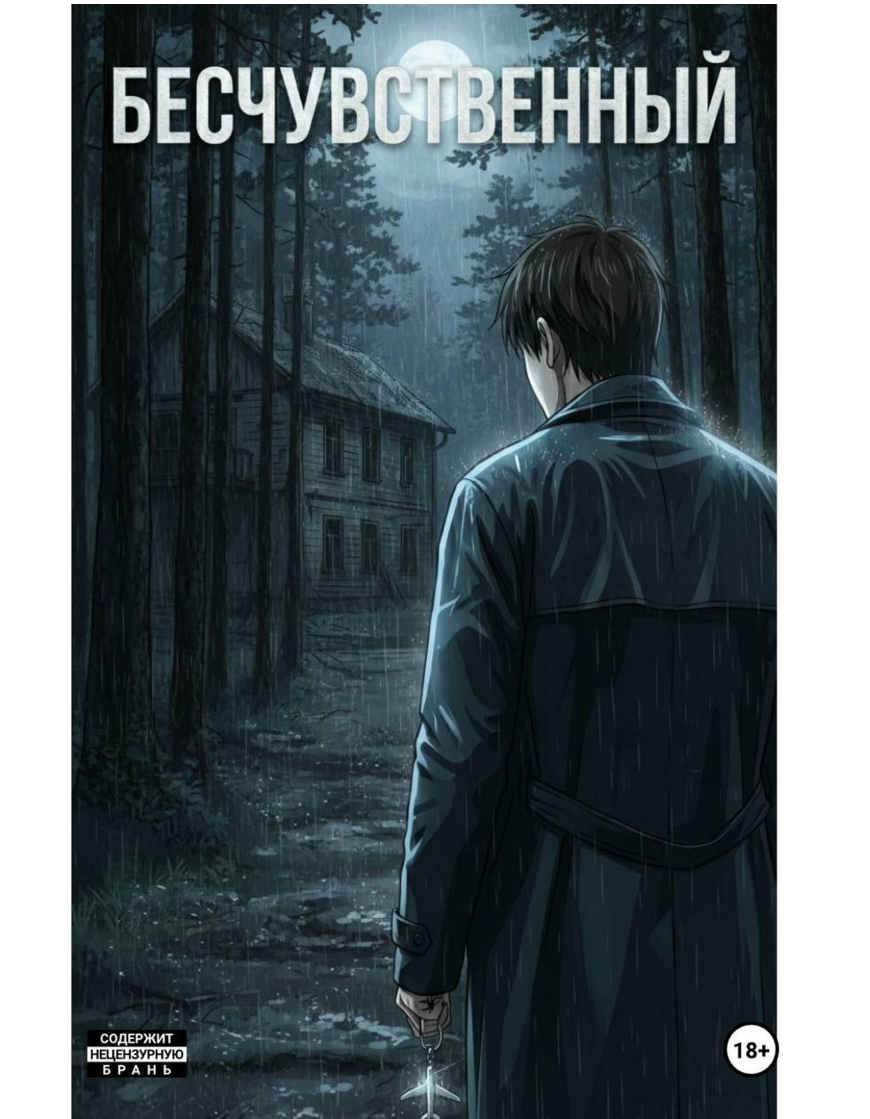


БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

A dark, atmospheric illustration of a man in a trench coat standing in a rainy forest at night. The man is seen from behind, looking towards a dilapidated, two-story wooden house in the distance. The scene is filled with tall, dark trees and falling rain, creating a somber and mysterious mood. A full moon is visible in the sky.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Логинов

Бесчувственный

<https://litres.ru/73393508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём всю жизнь был невидимкой. Школа, люди, любовь всё оставляло после себя только разочарование и холод. Постепенно он научился жить без доверия и без чувств.

Но после смерти его история не заканчивается.

Боги дают ему новую роль стать оружием против Тьмы в мирах, которые стоят на грани гибели. Снова и снова он отправляется туда, где люди ждут спасителя, а монстры крови.

Только чем дальше он идёт, тем яснее становится:

эта война может быть лишь частью чужой игры.

И однажды Артёму придётся понять он всё ещё человек или уже что-то другое.

Никита Логинов

Бесчувственный

Глава 1.

Самое главное в человеке – это его чувства. Но что остается, когда они выгорают дотла?

Жил-был парень по имени Артём. Он был тем самым типом людей, которых называют «невидимками». Обычное лицо, каштановые волосы, ничем не примечательный взгляд – он обладал пугающей способностью растворяться в толпе. Люди, встречавшие его, могли проговорить с ним час, а через минуту после расставания уже не могли вспомнить ни цвета его глаз, ни тембра голоса. Мир словно заранее вычеркнул его из списков важных героев.

До школы он был воплощением искренности – тем самым ребёнком, который верит в чудеса и считает, что мир – это огромное и безопасное место. Но судьба решила иначе.

Родители у Артёма были. Физически – всегда рядом. Отец приходил поздно, уставший, с запахом табака и металла, бросал ключи на тумбочку и говорил одно и то же:

– Потом, сын. Папа очень устал.

Мама жила в режиме вечной спешки – работа, отчёты, звонки, бесконечные «давай быстрее». Она гладила его по голове на автомате, не глядя в глаза, и всё время куда-то то-

ропилась.

Артём быстро понял простое правило: взрослым не до чувств. Их мир был забит делами, цифрами и проблемами, а его страхи и радости туда не помещались. Он рос рядом с ними – но как будто за стеклом.

Его первая школа – громадина из серого кирпича, возведённая ещё в эпоху застоя, – стояла на окраине города, окружённая облезлыми тополями и ржавой оградой. Внутри царила вечная полутьма: лампы дневного света мерцали, будто собирались вот-вот погаснуть, а окна были запотевшими даже в мороз. Коридоры гулко отдавали шагами, а воздух насквозь пропитан смесью хлорки, старой краски и запаха варёной капусты из столовой.

Именно там Артёма невзлюбила классный руководитель, Вера Ивановна – женщина с тонкими губами, поджатыми в нитку, и взглядом, пронзающим насквозь, будто она видела не человека, а список его недостатков. Она считала его мягкость слабостью, а мечтательность – признаком умственной отсталости.

– Опять ты витаешь в облаках, Артём? – её голос разрезал тишину класса, как бритва. – Пока все дети работают, ты рассматриваешь воробьёв за окном. Глупость – это не порок, но у тебя она, кажется, хроническая.

Класс взрывался хохотом. Скрипучие парты подпрыгивали от смеха, кто-то специально громче остальных имитировал щебетание птиц. Пятерка за рисунок сопровождалась ед-

ким замечанием: «Рисуешь ты лучше, чем думаешь».

Артём начал закрываться. Его детское сердце покрылось первыми трещинами.

Он пытался рассказать об этом дома. Не сразу – осторожно, намёками.

– В школе... там сложно, – однажды выдавил он за ужином.

– У всех сложно, – не поднимая глаз от телефона, ответила мама.

– Мужчиной станешь – спасибо скажешь, – буркнул отец. Больше он не пробовал. Артём усвоил ещё один урок: **если боль не мешает работать – значит, её не существует.**

Он перестал поднимать руку, перестал смотреть в окно. Просто сидел, опустив голову, и делал вид, что его здесь нет.

Перевод в другую школу не принёс спасения. Новое здание было современнее – типовая бетонная коробка, обнесённая высоким сетчатым забором с колючей проволокой наверху. На входе висела электронная табличка с расписанием, но чаще всего она мигала ошибкой. Внутри – линолеум, вытертый до дыр, и автоматические двери, которые то открывались сами, то захлопывались перед носом. Всё здесь напоминало режимный объект: строгий контроль, видеокамеры в углах, охранник с суровым лицом у вахты.

Артём быстро научился искусству быть невидимым. Он вжимался в стены, выбирал маршруты через пустые лестничные пролёты и всегда носил капюшон, который служил ему чем-то вроде забрала. Его пространство сжалось до размеров последней парты и экрана телефона. Весь остальной мир был враждебной территорией, которую нужно было пересечь максимально быстро, не оставляя следов.

Но скрыть себя полностью не удалось. Группа задира быстро выбрала Артёма целью: слишком тихий, слишком одинокий, слишком «не такой». Его вещи прятали в мусорные баки, над ним издевались в раздевалке после физкультуры, а за школьными гаражами дело часто доходило до драк. Однажды ему сломали очки, в другой раз – вырвали из рук тетрадь и швырнули в лужу.

Именно тогда в нём начала копиться жестокость. Он дрался до разбитых костяшек, ненавидя каждый кирпич этого здания, каждый звонок, каждое «привет» от случайного прохожего. Доверие к людям вытекало из него по каплям, оставляя холодную пустоту. Задиры научили его главному: за любой «подачкой» всегда следует удар. Он выстроил вокруг себя стеклянный купол – прозрачный, но абсолютно непроницаемый.

На этом мрачном фоне появилась Лена. Она была не просто красивой – она излучала свет. Светлые волосы, вечно выбивающиеся из хвоста, мягкие веснушки на переносице и привычка смешно морщить нос, когда смеялась. Она не бо-

ялась быть доброй в мире, где доброта считалась глупостью.

Однажды, когда задиры прижали Артёма в раздевалке, именно Лена влетела туда, как ураган. – Отвалили от него! – крикнула она, и в её голосе не было страха, только ярость. – Вы что, совсем озверели? Они ретировались, бросив последнюю «чокнутая», но Лена даже не обернулась. Она подошла к Артёму, протянула платок с вышитым уголком – маленьким солнцем. – Ты как? – спросила она, глядя прямо в глаза. Артём смотрел на неё с подозрением. В его голове уже выстраивались защитные алгоритмы. Он не видел сочувствия – он искал скрытую камеру или подвох. – Зачем тебе это? – хрипло спросил он, отступая на шаг и прижимаясь спиной к холодным шкафчикам. – Хочешь поиздеваться по-своему? Тонкий психологический подход? – Нет, Тём... – она произнесла его имя легко, почти ласково, игнорируя его колючий тон. – Я просто не люблю, когда обижают нормальных людей.

Позже она пригласила его в кино – на старый фильм про космонавтов. Весь сеанс Артём просидел в напряжении, боясь даже случайно коснуться её локтем. Подаренный на Новый год маленький металлический брелок – серебристый самолётик с отполированными крыльями – стал для него настоящим испытанием. – Чтобы мечтал дальше, – сказала она, улыбаясь. Артём сжал самолётик в кулаке так сильно, что острые крылья впились в кожу. Вместо благодарности он почувствовал тошнотворный страх. *«Сколько это стоит? Чем мне придётся заплатить за эту улыбку?»* – билось в мыс-

лях. Он так и не повесил его на ключи, спрятав в самый дальний карман рюкзака, как улику в преступлении, которого не совершал.

Лена писала ему. Короткие сообщения, ссылки на музыку, просто «привет». Он перечитывал их в темноте своей комнаты по десять раз, заучивая каждую запятую. Его палец часами зависал над кнопкой ответа, но так и не опускался. Написать «спасибо» – значило впустить её внутрь своего купола. Написать «отстань» – значило убить единственное светлое, что у него было. И Артём выбирал привычное за творничество: тишину.

На выпускном он чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Когда Лена подошла к нему, сияющая в своём платье, и попросила о последнем танце, он замер. В её глазах ещё теплилась надежда, но в голове Артёма, отравленной годами травли, сработал старый предохранитель: «Это ловушка. Сейчас все начнут смеяться».

Он просто отвернулся, сделав шаг назад, в тень.

Глядя, как её обнимает другой парень – уверенный, громкий, «свой» в компании, – Артём понял: страх оказаться обманутым лишил его самого ценного шанса на счастье. Не потому, что Лена солгала. А потому, что он не поверил правде. Он выбрал свою клетку, потому что её стены были знакомы на ощупь, а мир Лены требовал того, чего у него не осталось – открытого сердца.

Он ловил себя на том, что ждёт её. Её шагов в коридоре.

Её голоса. И именно это пугало сильнее всего. Потому что потерять то, чего у тебя нет, – не больно. А потерять то, что могло быть – невыносимо.

В университет Артём пришёл с «замороженным» сердцем. Если школа была открытой войной, то университет стал для него холодным политическим убежищем. Он быстро понял правила игры: чтобы тебя не трогали, ты должен быть либо сильным, либо полезным. Сильным он себя не чувствовал, поэтому выбрал путь расчёта.

Он стал «удобным». Артём виртуозно заменил живое общение сухими транзакциями, фактически покупая себе право на спокойствие. Его жизнь превратилась в бесконечный цикл из кодов, формул и чужих чертежей.

Его комната в общежитии быстро утратила уют, превратившись в подобие ночной конторы. Здесь не пили чай и не спорили о будущем – сюда заходили, как в кабинет к суровому чиновнику. Студенты возникали на пороге с виноватыми лицами, оставляли деньги, пачки сигарет или пустые обещания, а забирали готовые курсовые и расчеты. Артём принимал заказы, почти не поднимая глаз от монитора. Его «затворничество» теперь выглядело как профессиональная отстранённость. Он был рядом, но не с ними. Он знал фамилии всей группы, но не знал, о чём они мечтают.

Даже когда его звали на вечеринки, он шёл туда с единственной целью – закрепить свой статус «своего парня», чтобы завтра никто не посмел над ним подшутить. Он стоял

в углу с пластиковым стаканом, наблюдая за весельем как сторонний исследователь, изучающий повадки диких животных. Каждая его улыбка была просчитана, каждое «привет» – инвестицией в его безопасность.

На четвёртом курсе случился момент, который едва не пробил его броню. Группа – те самые люди, которые кормились его трудом – торжественно ввалилась в его комнату. Они притащили коробку, перевязанную лентой. Внутри был графический планшет – дорогая вещь, о которой Артём втайне мечтал, глядя на работы художников в сети.

На мгновение лёд треснул. В груди что-то болезненно ёкнуло, и он почувствовал себя почти... человеком. На мгновение лёд треснул. «Может,

они правда...» – подумал он. Но тут же один из парней добавил, хлопнув по плечу:

– Ну всё, Тём, теперь ты точно не откажешься написать нам дипломы! С такой-то техникой дело пойдет в два раза быстрее, а?

Артём замер. Его рука, только что потянувшаяся к планшету, на секунду зависла в воздухе. Мир снова обрел привычную жесткость. Сделка была принята. Он молча кивнул, принимая подарок не как знак дружбы, а как аванс за рабочий труд. Лёд не просто замерз обратно – он превратился в бетон.

Последний год прошел в угаре чужих чертежей. Он спал

по три часа в сутки, вырисовывая дипломы для тех, кто в это время гулял по набережной. Планшет, который должен был стать инструментом для его собственных мечтаний, стал орудием его эксплуатации.

Развязка наступила на следующее утро после вручения дипломов. Группа разъехалась. Артём сидел в пустой комнате общежития, глядя на экран телефона. Он ждал хотя бы одного сообщения – «спасибо», «удачи» или простого «мы на связи». Но чаты молчали. Люди, чьи дипломы он выстрадал своими бессонными ночами, исчезли в один день, словно их и не существовало. Они стерли его номер так же легко, как закрывают вкладку с ненужной информацией.

Артём остался один. В тишине пустой комнаты он крутил в руках тот самый планшет – единственный трофей пяти лет жизни. На нем остались только отпечатки его пальцев и горькое осознание: он снова позволил себе быть инструментом. Страх из школы никуда не ушел, он просто сменил форму, превратив его из жертвы задира в добровольного раба собственной полезности.

Поиски работы напоминали попытку выбраться из болота. После десятого «мы вам перезвоним» Артём оказался в приемной «Инфо-Тех Консалтинг» – компании, которая занималась аналитикой больших данных и оптимизацией логистики для промышленных гигантов. Это была огромная бездушная машина по переработке человеческого времени в скучные графики.

Собеседование было коротким. HR-менеджер с лицом человека, вечно страдающего от изжоги, дежурно спросил: – Почему вы выбрали именно нас? Артём он хотел ответить: «Потому что мне нужно на что-то покупать еду, а вы единственные, кто берет без опыта», но выдал заученное: – Меня привлекает ваша динамика роста и масштаб задач... Менеджер кивнул, даже не дослушав. Так он стал «Младшим аналитиком 3-й категории».

Его рабочее место находилось в углу огромного оупенспейса, где пахло озоном от принтеров и пылью. Ряды столов из дешевого светлого ДСП тянулись до горизонта, разделенные низкими серыми перегородками. Офисный юмор здесь был единственным способом не сойти с ума. Утро всегда начиналось у кофемашины, которая натужно кряхтела. – Опять этот шайтан-аппарат выдает кипяток вместо латте? – ворчал Саня из отдела продаж. – Это не баг, это фича, – отшучивался сисадмин. – Корпоративная программа закаливания сотрудников.

Артём он по восемь часов в день сводил таблицы в Excel, где строки сливались в бесконечную серую кашу. – он, – заглядывал через перегородку начальник, чье лицо выражало крайнюю степень безразличия ко всему живому, – тут клиент внес «небольшие» правки в логистическую схему. Нужно пересчитать всё до завтрашнего утра. «Небольшие правки» означали работу на всю ночь. – Но сейчас уже пять вечера, – пытался возразить он. – Именно! У тебя есть целых

шестнадцать часов до начала следующего рабочего дня. Используй ресурс эффективно, – философски замечал босс и исчезал.

Артём стал идеальным сотрудником – тихим, исполнительным и абсолютно мертвым внутри. И именно в этот момент высшего пика его безразличия в офисе появилась она.

Она была идеальной по его меркам: иссиня-черные волосы, глубокие темно-зеленые глаза и голос, похожий на мелодию. Пока Артём разглядывал её, в курилке уже вовсю чесали языками.

– Видал новенькую из маркетинга? – Саня сплюнул в урну, прищулив масляные глаза. – Та еще кобылка. Ноги от ушей. – Ты, парень, к ней лучше не подкатывай, – прохрипел старый коллега Петрович, затягиваясь дешевой сигаретой. – Мне знакомый звонил, она в прошлой конторе зама на премию развела, а как только пахнуло жареным – тут же в кусты и заявочку на него накатала. Чистая змея. Лгунья патологическая.

Артём молча докурил, глядя на промзону за окном. Внутри него не было гнева – только усталое раздражение. «Стадо», – подумал он. Он не верил им. Его выгоревшее сердце жаждало хоть капли тепла.

Он подошёл к её столу. Она сидела, уткнувшись в монитор, пальцы нервно постукивали по клавиатуре. На запястье, рядом с тонким серебряным браслетом, болтался маленький металлический брелок – **серебристый самолётик**, знако-

мый до боли.

– Тяжело в первый день? – негромко спросил он.

Она вздрогнула и подняла взгляд. На секунду в её глазах мелькнула затравленность, но она тут же сменилась мягкой, почти детской улыбкой.

– Есть немного, – ответила она, поправляя выбившуюся прядь. Рука скользнула по ключам, лежащим на столе, и самолёттик тихо звякнул о металл. – Кажется, я уже стала главной темой для обсуждений в курилке.

Артём замер. Сердце сделало лишний удар. *Тот самый... невозможно.*

– Не обращай внимания, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Оперся о край стола. – Я Артём. Если нужно помочь разобраться с базой данных – обращайся.

– Ой, это было бы чудесно, Артём... – она чуть прикусила губу, и в этот момент снова коснулась ключей – будто искала опору. Самолёттик качнулся, отбрасывая крошечную искру в луче офисного света.

Пока он объяснял ей тонкости отчётов, она внимательно слушала, иногда случайно касаясь его руки своей ладонью. Артём ловил себя на мысли, что смотрит не на экран, а на её запястье – на тот самый знак, который когда-то был символом утраченной надежды.

В конце дня он решил:

– Знаешь, после такого объёма таблиц нужно перезагрузиться. Сегодня открылся итальянский ресторанчик непода-

лёку. Пойдём со мной?

Она замерла с лёгким удивлением.

– Ты не боишься? После того, что обо мне говорят?

– Я верю только своим глазам, – отрезал Артём. – А мои глаза видят девушку, которой не помешал бы ужин в хорошей компании.

Она негромко рассмеялась.

– Хорошо, Артём. Пойдём. Только чур пасту выбираю я.

Год пролетел как сон. Они съехались. Артём был зависим от неё, как наркоман от дозы. Он уже втайне купил то самое кольцо, о котором мечтал, планировал «забацать» роскошный банкет и улететь в медовый месяц на юг.

Одним осенним днем он освободился раньше срока – закрыл сложный отчет и буквально вылетел из офиса. Погода в тот день была отвратительной: небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, хлестал холодный, пронизывающий дождь, а ледяной ветер так и норовил забраться под куртку. Город утопал в серой жиже, и прохожие хмуро прятались под зонтами.

Но Артём этого не замечал. В кармане он сжимал бархатную коробочку с кольцом, и тепло от этой мысли согревало его лучше любого свитера. Он почти бежал к дому, перепрыгивая через лужи. Этот сюрприз значил для него всё – он был готов окончательно оставить прошлое позади. Весь мир вокруг мог быть серым и холодным, но дома его ждало его личное солнце.

Артём тихо открыл входную дверь. Но в прихожей стояли чужие лакированные мужские туфли. Из спальни неслись стоны. Её стоны – те самые, которые он считал только своими. Приоткрыв дверь, он увидел сцену, которая окончательно выжгла ему душу. Его «идеал» кувыркалась на их кровати с каким-то мужиком.

Шок парализовал его. – *За что? – билось в голове. – Неужели они были правы? Те часы на тумбочке, новые платья – это всё были их подарки?*

Артём не стал кричать. Сил на гнев просто не осталось. Он молча оставил коробочку с кольцом на тумбочке и вышел под ледяной дождь.

Он уехал на старую дачу родителей, нашел ружье и вставил ствол в рот. Вкус масла и металла. Но рука дрогнула. Он не смог.

Артём отшвырнул ружье и выскочил на крыльцо. Его била крупная дрожь. Он побрел прочь из дачного поселка прямо по обочине узкой трассы. Ледяной дождь хлестал по лицу, одежда отяжелела от воды, но он шел как привидение, не замечая холода. В голове по кругу крутилось: «Почему? За что?».

Через пару часов он увидел неоновые огни на окраине города. Его не интересовал дом, ему нужно было место, где никто не задает вопросов. Так он оказался у входа в бар **«Бир-лога»** – приземистое заведение на первом этаже серой пятиэтажки. Над дверью мигала полудохлая вывеска, а внутри

пахло дешевым табаком и безнадегой.

– Самого крепкого. И не останавливайся, – бросил он бармену. Рядом хрипло хохотнул собутыльник в засаленной кепке: – Че, паря, баба кинула? Привыкай. Люди – это крысы. Просто в офисах они в галстуках, а здесь – без.

Артём кивнул. Это была точка. Он пропил две недели, а когда протрезвел – окончательно превратился в пустую оболочку. Доверие к людям умерло навсегда.

Последние недели он провёл в полной тишине. Дача, затерянная среди чахлых сосен, давно перестала быть домом – она стала могилой, в которую он сам себя загнал. Вода в кране давно не шла, еду не покупал – просто забыл, как это делается. Иногда до него доходили звуки проезжающих машин по трассе, но они казались из другого мира, далёкого и чужого.

Лихорадка накрыла его внезапно. Тело горело, горло сжимало железным обручем, а мысли расплывались, как чернила под дождём. Он пытался встать, добраться до колодца, но ноги не слушались. Пальцы цеплялись за край кровати, потом – за пол, потом – уже ни за что.

Он лежал на полу, свернувшись калачиком, как ребёнок. Вода... хоть глоток воды...

Но никто не пришёл.

Никто не звонил. Никто не стучал в дверь. Даже бывшие «друзья» из офиса давно стёрли его из памяти – как старое

уведомление, которое мешает работать. Его имя не вспоминали даже в шутку. Он исчез задолго до того, как перестал дышать.

Горячка усиливалась. Он бредил: то видел Лену с её самолётиком, то ту, другую – с чёрными волосами и зелёными глазами, которая смеялась над ним в темноте. То слышал голос Петровича из курилки: *«Один дурак сменяет другого»*.

Он хотел закричать. Хотел, чтобы кто-нибудь услышал.

Но во рту был только привкус пыли и горечи.

Когда сознание окончательно начало гаснуть, он не испытывал страха. Только усталость. Бесконечную, глубокую усталость.

«Ну и пусть...» – мелькнуло в голове. – *«Может, там, где я очнусь, хоть один человек скажет: “Я рад, что ты жив”»*.

Он умер ночью. Тихо. Без стопа. Без слёз. Просто перестал дышать – как будто выключили свет.

Его тело лежало две недели. Потом три. Запах разложения просочился сквозь щели в досках, пропитал воздух во круг. Сначала его заметили собаки – завыли в соседнем саду. Потом – вороны. Они сначала крутились над крышей, потом сели на забор, потом – на подоконник. Их становилось всё больше.

Сосед, старый Иван Петрович, сначала думал, что это просто помойка где-то рядом. Но когда стая ворон не рас-

ходилаcь три дня подряд, а из-под двери дома №17 повеяло сладковато-тошнотворным запахом, он позвонил в полицию.

Офицеры взломали дверь. Внутри – пыль, холод, мертвая тишина. И на полу – скрюченное тело, покрытое серым налётом времени. Рядом – пустая бутылка из-под водки и фотография, перевёрнутая лицом вниз.

Никто не плакал. Никто не пришёл на похороны – их и не было. Его документы нашли в ящике комода, имя – в трудовой книжке. Всё. Больше о нём ничего не знали.

Для мира он был просто закрытой вкладкой в браузере.

Забытой. Ненужной. Удалённой без подтверждения.
А между тем – над его телом всё ещё кружили вороны.

Будто знали: здесь умер не просто человек.

Здесь умерла надежда.

Но реальность оказалась куда более ироничной.

Артём открыл глаза. Тьма сменилась ослепительно белым светом. Он больше не чувствовал боли. Он стоял посреди огромного зала, а впереди, на возвышении, восседали фигуры, от которых исходила мощь, заставляющая воздух вибрировать.

Это были Боги. И его суд начался.

Сознание вернулось резко – без перехода, без сна, будто кто-то грубо выдернул его обратно.

Артём вдохнул и сразу понял: что-то не так.

Воздух был слишком чистым. Не свежим – именно чистым. В нём не было ни пыли, ни запаха, ни привычной тяжести. Он напоминал лабораторию, в которой никогда не происходило ничего живого.

Даже здесь нельзя задохнуться, – мелькнула мысль. – Удобно.

Он открыл глаза.

Свет был повсюду. Белый, ровный, без источника. Он не слепил, но давил – как чужой взгляд, от которого невозможно отвернуться. Казалось, сам воздух фиксирует каждое движение, каждую мысль.

Артём сел.

И сразу напрягся.

Тело было... правильным.

Слишком правильным.

Молодое, крепкое, без следов истощения. Ни ломоты, ни слабости, ни той пустоты, которая сопровождала его в последние дни. Он медленно сжал пальцы, словно проверяя, настоящие ли они.

– Вернули, – тихо сказал он. – Значит, решили не отпускать.

Он поднялся.

Зал открылся постепенно, не сразу – сначала ощущением масштаба, потом осознанием.

Пространство было огромным. Не величественным – **чуждым**. Потолок терялся в белёсой дымке, словно здесь не было нужды его заканчивать. Колонны толщиной с башни уходили вверх, их поверхности были покрыты символами, которые не повторялись и медленно менялись, будто кто-то **редактировал реальность на ходу**.

Пол под ногами был тёплым. Не уютным – терпеливым.

Как поверхность, по которой разрешили пройти, но не более.

Место, где не спрашивают согласия, – подумал Артём.

В дальнем конце зала, на возвышении, сидели фигуры.

Полукруг. Без тронов. Без знаков власти.

Одни выглядели почти людьми: седовласый мужчина с пустыми глазами, женщина, чьё лицо менялось при каждом взгляде. Другие были размыты, словно их формы ещё не определились – свет, тень, изломанные очертания.

Некоторые не имели глаз.

И всё равно смотрели.

Но **один** отличался.

Он стоял чуть в стороне, у колонны, не участвуя в общем полукруге. Его облик был самым простым – почти человеческим. Никакого сияния, никаких искажений. Только спокойная, внимательная поза.

Он не смотрел на Артёма прямо.

Скорее – ждал.

И это ощущалось кожей.

– Артём, – раздалось сразу со всех сторон. – Душа человека. Путь завершён.

Он усмехнулся.

– Забавно это слышать, – подумал он. – В месте, где всё ещё продолжается.

– Ты покинул жизнь раньше, чем исчерпал её возможности, – произнёс один из богов.

Возможности...

Интересно, в какой момент они заканчиваются по вашей шкале.

– Он сделал выбор, – добавил другой.

– Осознанный, – подтвердил третий.

– И закономерный, – прозвучал голос со стороны.

Артём едва заметно напрягся.

Закономерный?

Он посмотрел туда, откуда прозвучал голос.

Тот самый. Наблюдатель.

– При заданных условиях, – продолжил он спокойно, – иной исход был маловероятен.

В зале на мгновение стало тише.

Заданных... кем? – отметил Артём.

– Это предположение, – резко сказал один из богов. – Мы

не можем утверждать—

– Мы можем, – перебил наблюдатель. Без нажима. Просто констатируя факт.

Некоторые боги переглянулись. Кто-то отвёл взгляд.

Артём это заметил.

Вы уже это обсуждали, – понял он. – *Без меня.*

– Он утратил доверие.

– Его связи разрушены.

– Он не стал источником зла.

– Пока, – тихо добавил наблюдатель.

Пауза повисла плотная, почти осязаемая.

– Это не установлено, – холодно сказал другой бог.

Артём уловил это слово.

Пока.

Значит, они допускали вариант, при котором он всё-таки станет тем, кем его сейчас не считают.

– Существует мир, – произнесла центральная фигура, словно намеренно уводя разговор в сторону, – находящийся на грани поглощения Тьмой.

Вот и декорации, – подумал Артём.

– Его судьба не определена.

– Источник угрозы – Король Тьмы.

– Ты будешь отправлен туда, – продолжили они. – Исход

мира будет зависеть от твоих действий.

– А если я не захочу участвовать? – спросил Артём.

Пауза.

– Ты волен выбирать путь, – ответили ему. – Но некоторые исходы будут... недоступны.

Он понял сразу.

Смерть.

Он снова посмотрел на наблюдателя.

Тот смотрел так, будто уже знал, что он это понял.

– Ты можешь взять с собой один предмет, – сказали боги.

– Зелье, – ответил Артём сразу. – Восстанавливающее тело.

– Ты даже не спросил о последствиях, – заметил кто-то.

– Я устал спрашивать, – подумал Артём.

– Любопытный выбор, – тихо произнёс наблюдатель. – Ты всегда находишь способы идти дальше. Даже когда не хочешь.

Ты слишком много обо мне знаешь, – отметил Артём.

Рядом появился мальчишка – живой, тёплый, неуместный в этом месте.

– Я буду твоим проводником, – сказал он. – Помогу разобраться.

Артём посмотрел на него, потом – снова на наблюдателя.

Тот уже отвернулся, словно сцена была завершена.

Мир начал рушиться.

Свет погас.

И в последний миг Артём подумал:

Если это не случайность...

...я однажды спрошу – зачем.

Он очнулся не от боли – от сырости.

Холод не бил, не обжигал; он вползал медленно, как вода в трещины, пока не оказывался внутри. Артём лежал в траве на спине, глядя в низкое серое небо. Тучи висели так близко, тяжёлые, набухшие влагой. В этом небе не было ни торжественности, ни обещаний – только тяжесть, как у мокрой одежды, которую некуда повесить сушиться.

Первый вдох принёс запахи, от которых захотелось поморщиться: мокрая земля, гниющие листья, тина где-то неподалёку и еле уловимый металлический привкус, словно здесь даже воздух помнил кровь.

Вот и новый мир, – подумал он без удивления. – А пахнет всё равно одинаково.

Он поднялся на локтях и тут же замер, глядя на собственные руки. Они были сильные, чистые, без трещин, без синяков, без той мертвенной худобы, которую он видел в последние дни на даче, когда тело перестало быть домом и стало обузой. Он провёл ладонью по лицу, по шее – проверяя, не обман ли это.

Тело слушалось легко. Слишком легко.

Значит, не дают даже развалиться, – промелькнуло холодно. – Чтобы всё шло по плану. Без сбоев.

– Ты живой? – раздался рядом голос, чуть запыхавшийся, будто его владельцу тоже пришлось переходить границу мира через горло.

Артём повернул голову.

Проводник стоял в паре шагов. Теперь он был не тенью из белого зала и не фигурой на фоне богов – обычный мальчишка, лет двенадцати, светлые волосы, взгляд открытый, слишком человеческий. На нём была тёплая накидка, на плече – мешок, из которого выглядывала фляга и скатанная ткань. Он старался держаться уверенно, но пальцы то и дело сжимались, как у человека, который боится показаться слабым.

– Живой, – сказал Артём. И добавил про себя: *к сожалению.*

Мальчик выдохнул с облегчением.

– Я... меня зовут Эрвин, – представился он быстро, словно боялся, что забудет сказать важное. – Я проводник. Должен помочь тебе с ориентированием и... объяснить правила.

– Правила, – повторил Артём, поднимаясь. – Это у вас здесь главное.

Эрвин сделал вид, что не услышал колкость.

– Этот мир называется Эйрхейм, – заговорил он, будто по учебнику, но в голосе всё равно звучала искренность. – Он большой. Здесь есть материки, моря, горные хребты, леса, которых не пройти за месяц, и болота, где можно утонуть, даже стоя на твёрдом месте. Люди живут очагами – поселениями, городками, крепостями. А между ними... между ни-

ми всегда риск.

Он махнул рукой в сторону леса. Деревья там были выше, чем должны быть. Не гиганты, но непривычно высокие, с тёмной корой и тяжёлыми ветвями, которые нависали, будто слушали.

– Тьма растёт с севера, – продолжил Эрвин тише. – Как плесень. Это не просто темнота. Она меняет землю. Меняет существ. Меняет людей. Где Тьма – там перестают петь птицы. Там трава не пахнет. Там вода... – он сглотнул, – вода может быть чёрной.

Артём слушал и не испытывал ни страха, ни интереса. Только усталое раздражение от того, как старательно мальчик объясняет очевидное, будто миры отличаются чем-то принципиальным.

Меняет людей, – повторил он про себя. – *Людей и на Земле меняет всё подряд. Для этого не нужен король тьмы.*

– Центр Тьмы – замок, – сказал Эрвин. – Там Король. Мы идём туда. Пешком – примерно три дня, если не задерживаться. И... – он на секунду замялся, – обычно новоприбывшие сначала тренируются. Ищут оружие. Доспехи. Учатся выживать. Понимаешь?

Артём поднялся до конца, стряхнул с штанов мокрую траву и посмотрел туда, где лес темнел гуще.

– Три дня, – повторил он. – Значит, пойдём.

– Сейчас? Без подготовки? – Эрвин растерянно моргнул.
– Мы даже—

– Пойдём, – коротко сказал Артём и уже двинулся вперёд. Эрвин догнал его почти бегом.

– Ты... ты точно понимаешь, что это не прогулка? – спросил он, стараясь звучать твёрдо. – Это не “дойти и поговорить”. Там... смерть.

Артём усмехнулся уголком губ, не глядя.

– Ты говоришь так, будто это аргумент против.

Эрвин не нашёл ответа и замолчал. Некоторое время слышались только шаги по мокрой земле и тихое шуршание травы, цепляющейся за обувь.

Поначалу лес был обычным: влажный, густой, с поваленными стволами и мхом на камнях. Потом он стал чужим. Деревья выросли плотнее, будто специально перекрывали путь. Воздух потяжелел. Запахи стали резче: грибная гниль, мокрая шерсть, сырое железо.

Где-то в глубине что-то зашевелилось.

Эрвин остановился первым.

– Слышишь? – прошептал он.

Артём слышал. Не ушами – кожей. Тишина изменилась.

Из кустов вылетело существо – что-то между волком и ящером: вытянутая морда, жёлтые глаза, зубы слишком большие для такой головы. Оно бросилось молча, без предупреждения, как голодная мысль.

Эрвин вскрикнул:

– В сторону!

Артём не отступил.

Клыки вонзились ему в плечо, и мир на секунду вспыхнул болью – яркой, прямой, как удар током. Потом боль отступила, будто кто-то выкрутил громкость. Осталась только тяжесть: зубы в плоти, дыхание зверя, тёплая кровь на коже.

Эрвин замер, ожидая крика.

Крика не было.

Артём посмотрел на тварь сверху вниз, почти лениво.

Вот и проверка, – подумал он. – И это всё?

Он схватил существо за шею и ударил о землю. Раз – с сухим хрустом. Второй – пока тело не обмякло. Тварь дёрнулась, лапы царапнули воздух, потом затихла.

Эрвин стоял бледный, как будто удар пришёлся ему.

– Ты... ты мог увернуться, – выдавил он.

– Мог, – спокойно согласился Артём.

Он вынул бутылку. Глоток – и рана стала затягиваться. Боль ушла окончательно. Кровь исчезла, будто её вытерли. Осталась только мокрая ткань на рукаве.

Эрвин смотрел на бутылку, как на чудо – и как на угрозу одновременно.

– Это... это и есть твой дар?

– Да.

– Тогда почему ты... – мальчик осёкся. – Почему ты подставился?

Артём пошёл дальше.

– Потому что разница невелика.

Эрвин догнал его, шагал сбоку, пытаясь заглянуть в лицо.

– Ты не боишься боли?

Артём не сразу ответил. Пауза была длиннее, чем нужно.

– Боль – это сигнал, – сказал он наконец. – А я давно перестал реагировать на сигналы.

От этих слов Эрвин почему-то сжал ремень мешка крепче.

К полудню они вышли на участок, где лес расступался, и воздух резко изменился: пахло водой. Болото начиналось внезапно – не как озеро, а как болезнь земли. Тропинка шла по кочкам и гнилым брёвнам. Между ними блестела чёрная жижа, и в ней что-то иногда поднималось пузырями, будто болотная вода дышала.

– Здесь осторожно, – предупредил Эрвин. – Не наступай—

Поздно.

Под ногами Артёма земля внезапно ушла, будто его схватили снизу. Он провалился по колено, потом по бедро. Тина втянула его быстро и бесшумно, как рот.

Эрвин метнулся к нему, схватил за руку.

– Держись! Тянись ко мне!

Артём посмотрел на мальчика и подумал: *Вот зачем ты здесь. Чтобы кто-то пытался.*

И тут же другая мысль, более тёмная: *Но ты всё равно не удержишь.*

Что-то холодное обвилось вокруг его ноги под водой. Не

верёвка – живое. Слизь. Сила, которая тянет вниз не рывком, а уверенно, как долг.

Артём не стал бороться так, как ожидал Эрвин. Он просто вдохнул и... отпустил тело.

Эрвин в ужасе почувствовал, как рука Артёма ослабла.

– Эй! Ты что делаешь?!

Грязная вода дошла до груди. Потом до подбородка. В нос ударил запах гнили.

Если утону – что будет? – подумал Артём без паники. – *Проснусь на берегу? Или...*

Но на этот вопрос ответить не дали. Внутри вспыхнуло раздражение – не страх, не желание жить, а злость на то, что даже здесь всё не складывается «простым способом». Он резко вытащил зелье, сделал глоток, и тело словно вспомнило, что оно сильное. Он дёрнулся вверх, разрывая слизистые объятия болота, и выбрался на кочку, словно выплюнутый.

Эрвин упал рядом, тяжело дыша.

– Ты... ты специально? – спросил он с неверием.

Артём вытер лицо рукавом.

– Не специально. Просто не вижу смысла суесться.

Они вышли из болота ближе к вечеру. Тропинка стала твёрже, но лес уже выглядел иначе: деревья темнели, как обугленные, и птиц почти не было слышно. Ветер шёл низко, между стволами, и иногда приносил запах дыма.

На закате они наткнулись на старую, почти стёртую дорогу – камни под мхом, следы колёс, которые давно никто не

оставлял. На обочине лежал человек. Вернее, то, что от него осталось: кости, обрывки одежды, ржавый нож, тряпье, которое когда-то было плащом.

Эрвин присел рядом и нахмурился.

– Караван, – тихо сказал он. – Их часто режут на дорогах. Иногда – монстры. Иногда... – он запнулся, – люди.

Слово «люди» он произнёс так, будто ему было стыдно.

Артём молча поднял с земли короткий меч. Простой. Даже не меч – скорее, длинный нож. Рукоять потёртая, гарда кривая. Оружие человека, который не был героем.

Он взвесил его в руке.

Наконец-то что-то честное.

Эрвин хотел что-то сказать, но увидел, как Артём небрежно накидывает на плечи грязный плащ – лёгкую накидку, пропахшую дымом и чужой смертью – и замолчал.

– Это пригодится, – сказал Артём. – А его уже не согреет.

Ночью Эрвин развёл костёр. Артём сидел чуть в стороне. Он не ел – не потому что «не нужно», а потому что не чувствовал смысла. Еда – это продолжение. А он не хотел продолжать, он хотел дойти.

Сон приходил рывками. Он то проваливался в тёмную яму, где слышал сухие голоса белого зала, рассуждающие о «закономерности», то выныривал обратно, видя огонь и тени деревьев.

Один раз ему приснились вороны. Они сидели на заборе дачи, смотрели на дом и ждали. И в этом ожидании было

больше терпения, чем у людей.

Он проснулся под утро от странной мысли: *мне даже кошмары не страшны. Они просто привычны.*

Эрвин спал рядом, свернувшись, как ребёнок. Артём посмотрел на него и поймал себя на раздражении: мальчик ещё умел спать так, будто завтра есть.

Второй день начался с дождя. Не ливня – мелкого, занудного, который не мочит сразу, а делает всё вокруг липким и тяжелее на шаг.

К полудню лес редел, и впереди показались серые, перекошенные крыши. Поселение. Небольшое – десятка два домов, деревянные стены, местами подпертые брёвнами, забор из кривых кольев, словно сделанный в спешке. Дым шёл низко, стелился по земле. Запах – кислый, бедный: мокрая солома, варёные корни, сырая древесина.

Люди вышли посмотреть не сразу. Сначала они наблюдали из-за щелей в заборах, из тёмных окон. Потом показались лица – худые, настороженные. Мужчины с дешёвыми копьями. Женщины с руками, обожжёнными работой. Дети, которые не кричали и не смеялись – они просто молча смотрели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.